

Лу Чуньни, хоть ей было всего одиннадцать лет, а из-за худобы она выглядела и вовсе на семь-восемь, из-за долгих лет унижений и издевательств рано повзрослела. Она словно облачилась в невидимые доспехи, не подпуская к себе ни единой живой души.

Поэтому новость о смерти двоюродного брата, с которым она прожила бок о бок несколько лет, не вызвала у неё почти никаких эмоций. Она осталась холодна.

Сотрудник милиции, прекрасно понимавший, сколько горя хлебнула эта девчушка, не стал читать нотации о её бесчувственности. Он лишь с жалостью утешил её, попросил не бояться, после чего собрал пустые миски и вышел.

Малышка утомилась. В допросной, где даже не было окна, стоял промозглый холод. Лу Пиньянь заметил, что девочка, едва поев, начала дрожать, и поспешил развернуть узел, достав оттуда овчинный тулуп, в который тут же укутал сестрёнку.

Вещь эта принадлежала той красавице-врачу, которая берегла её пуще глаза. На Лу Чуньни тулуп смотрелся несуразно большим, словно дедовская шинель.

— Брат, что это?

— А, это тулуп. Одна знакомая сестра просила передать тебе. Тепло?

— Хи-хи, тепло! Эта сестра — моя будущая невестка?

— Нет.

— Жаль. Надеюсь, она ею станет. С тех пор как бабушки не стало, никто мне одежды не дарил. Мне нравится эта сестра!

— Мгм.

— Брат?

— Что?

— Мне кажется, ты после возвращения стал совсем другим.

— Мгм.

— Хи-хи, вроде бы даже не такой дурачок, ха-ха-ха!

— Мгм.

— Брат, я спать хочу. Можешь обнять меня, как в детстве?

— Иди сюда.

— Хи-хи-хи-хи...

Девочка спрыгнула со стула и посеменила к нему. Лу Пиньянь легко подхватил её на руки.

Трудно даже представить, через какие муки прошла эта малышка. В ней не было ни грамма лишнего веса, дай бог наберётся пятьдесят фунтов — сплошные кости.

— Спи, спи.

— Мгм...

Девочка поёрзала в объятиях Лу Пиньяня и, успокоившись, закрыла глаза.

Дверь в комнату была прикрыта неплотно. Снаружи то и дело мелькал сотрудник милиции, занятый делами: постоянно кого-то приводили на допрос, очевидно, пытаясь выйти на след убийцы.

Вскоре коридор огласил пронзительный вой. Резкий голос старой госпожи Лу, словно нож по металлу, прорезал тишину:

— Ой, мой внучек! Мой бедный внучок! Я всю жизнь творила добро, за что же мне такое наказание? Небо слепо! Пусть того негодяя, что отнял твою жизнь, покарают боги. Вернись, внучек мой, ты же мне сердце ножом режешь! Ой, не жить мне больше, не вынести такой боли!

Мать Лу Пиньяня рыдала ещё громче, захлёбываясь слезами так, что не могла вымолвить ни слова.

Спящая Лу Чуньни вздрогнула, словно ей приснилось что-то ужасное, и сильнее прижалась к брату.

Лу Пиньянь горько усмехнулся. Семейка, ничего не скажешь, бесстыжая. Особенно бабушка — как у неё язык повернулся заявить, что она всю жизнь творила добро?

Если бы она была доброй, оказались бы они вдвоём в этой холодной допросной? А может, в сердце старухи они никогда и не существовали, вот она их и не замечала?

Лу Пиньянь не хотел слушать этот балаган, раздражавший его своим фальшивым надрывом. Он осторожно поднялся вместе с сестрой и плотно прикрыл дверь — шум снаружи сразу стих.

В кабинете милиционеры уже не знали, куда деваться. Они были наслышаны от коллег, побывавших в их доме, о нраве этого семейства и знали, насколько те прилипчивы.

Стоило им узнать о случившемся, они не в больницу помчались, а потащили за собой сотрудников милиции, пришедших с известием, прямо в участок. И начали голосить ещё до того, как переступили порог, будто это милиция была виновата в смерти их отпрыска.

В участке и без того царил хаос. События развивались стремительно, и в суматохе никто толком не разглядел, кто именно пырнул настоящего Лу Пиньяня. Те двое прихлебателей, что сопровождали его, сами были не чисты на руку, и, увидев, что дело пахнет керосином, просто сбежали, прихватив деньги из дома. Где их теперь искать?

Впрочем, у милиции были свои методы. Они начали допрашивать всех местных заправил и уличных хулиганов. Многие из них были вытащены из постелей прямо в исподнем.

Беда была в том, что никто ничего не видел, а если кто и видел, то боялся открыть рот. Ситуация зашла в тупик.

Семейство Лу продолжало вопить на весь участок, игнорируя любые попытки их успокоить. Они отказывались ехать в больницу, чтобы в последний раз взглянуть на тело, и продолжали скандалить, пока наконец не вывели из себя начальника службы безопасности сталелитейного завода, пришедшего для координации действий.

— Воете, воете, только и умеете, что выть! — рявкнул он. — Есть ли у вас хоть капля совести? Разве вы не знали, каким был ваш сын? Сбивал банды, дрался, обижал слабых, воровал — сколько раз он попадал в службу безопасности? В прошлый раз вы умоляли отпустить его, клялись, что перевоспитаете. И где воспитание? А до того? Когда он сломал человеку руку и чуть не выколол глаз, а с вас потребовали компенсацию, что вы сказали? Забыли? Не говорили ли вы, что в драке виноваты оба? Или что ваш сыночек никого не трогал, пока его не спровоцировали? А случай, когда он пристал к двум девушкам? Вы твердили, что это любовь, хотя они даже не знали, кто он такой! Плач, скандал, угрозы — у вас одна и та же пластинка. Вы что, решили, что участок — это ваша личная вотчина? Я хочу спросить: почему другие не пострадали, а пырнули именно вашего сынка-хулигана? Плачьте! Чего же вы замолчали? Не ваша ли слепая любовь погубила ребёнка? Вон отсюда! Все вон! Идите в больницу или по домам, нам нужно ловить убийцу, а не тратить время на ваши истерики! Ещё раз мешаете работе — всех за решётку посажу!

Как ни странно, семейство Лу тут же притихло. Кроме нескольких женщин, которые продолжали всхлипывать, все остальные стояли, ни живы ни мертвы, понутив головы.

Хотя с этой семейкой разобрались, работа не ждала. Вскоре в участок привезли уже больше двадцати человек для допроса.

Эти типы не ладили между собой, вели себя вызывающе, и если бы не присутствие милиции, наверняка перегрызли бы друг другу глотки прямо в кабинете.

Пришлось их рассадить, и милиционерам пришлось задействовать допросную. Один из них заглянул внутрь, увидел спящую Лу Чуньни и замялся.

Лу Пиньянь жестом показал, что это не проблема, и попросил не обращать на них внимания. Вскоре в комнату ввели троих наглых молодых людей.

<http://bllate.org/book/18528/1782170>